

МИХАИЛ ПЕТРОВ

ПЕТУХИ

Михаил Петров.

П Е Т У Х И

**История из местной жизни в одном акте
с прологом и эпилогом.**

Таллинн. 2007

© Michael Petrov. 2007.

Действующие лица.

Призраки:

Памятник Петру Великому, бронза.

Памятник Владимиру Ленину, бронза.

Памятник Иосифу Сталину, бронза.

Памятник Михаилу Калинин, Бронза.

Памятник Виктору Кингисеппу, бронза.

Бронзовый солдат.

Памятник потомку Калева, чугун.

Памятник неизвестному борцу за свободу Эстонии, бронза.

Памятник «декабристам», бронза, три-четыре персоны.

Люди:

Влюблённая пара.

Первый русскоязычный интеллигент.

Второй русскоязычный интеллигент.

Третий русскоязычный интеллигент

Хулиганы, мародеры и дебоширы.

Полицейские.

Первый министр

Общие замечания:

Белая ночь, самая короткая в году.

Мистический свет.

Вид на орденский замок и башню с флагом.

Плакат с изображением Первого министра и надписью: «В период реформации кадры решают всё».

Призраки бронзовых памятников действуют параллельно с живыми людьми, не пересекаясь с ними до эпилога.

Бронзовый Петр, кажется, что работы скульптора Леопольда Бернштама, с непокрытой головой и без парика, в камзоле и ботфортах, со шпагой на перевязи и тростью в руке.

Бронзовый Ленин вполне стандартный: одет в пальто, в левой руке партийная кепка, правую руку ладонью-лодочкой пытается неестественно вытягивать в сторону собеседника, выговор чистый.

Бронзовый Сталин вполне стандартный: одет в длинную кавалерийскую шинель без погон, фуражку со звездой, левую руку почти не вынимает из кармана, правую – закладывает за отворот шинели, грубиян, говорит без традиционного кавказского акцента.

Бронзовый Калинин вполне стандартный: одет в мешковатое гражданское пальто, круглые очки без стекол, нелепо жестикулирует руками, помогая себе в разговоре.

Бронзовый Кингисепп одет в бесформенное пальто, на правой руке четыре пальца отрезаны ножовкой, постоянно выпячивает культю, почти не говорит.

Бронзовый солдат Красной армии с непокрытой головой, в сапогах и плащ-палатке, в правой руке каска, за спиной автомат ППШ.

Чугунный потомок Калева – обнаженный атлет нордического вида в набедренной повязке с огромным двуручным мечом.

Бронзовый борец за свободу одет в форму Waffen SS, на голове каска, на груди пистолет-пулемёт MP 40.

Бронзовые участники декабрьского коммунистического восстания 1924 года в Таллинне – пролетарии с бутафорскими ружьями, держатся спина к спине.

Пролог.

На переднем плане скамья, на скамье влюблённая пара. Постепенно появляются призраки бронзовых памятников. Влюблённые не замечают призраков, призракам нет дела до влюблённых

Она: Какая волшебная ночь!

Он: Угу!

Она: Какой хрустальный свет!

Он: Угу!

Она: Любимый, это хрустальная ночь!

Он: Угу!

Целуются. Появляется Виктор Кингисепп и начинает внимательно рассматривать культю правой руки.

Кингисепп: Вот суки!

Он: Ты слышала?

Она (*млея под ласками*): Плевать, пусть смотрят!

Он (*тревожно*): Ты о ком, любимая?

Она: Не отвлекайся, это просто ночь. У ночи тысячи глаз и тысячи ушей!

Продолжают целоваться и ласкать друг друга.

Кингисепп: Суки, суки, суки! (*Садится на скамью рядом с влюблёнными, воет.*) Су-у-ки! Су-у-ки!

Декабристы: Завыл проклятый. Ты бы выл, когда наши денежки спустил на бегах.

Кингисепп: Я сам в бегах! Су-у-ки! Нету у меня ваших денег!

Декабристы (*лязгая затворами винтовок*): Где наш чемодан с деньгами?

Кингисепп: Нету у меня никакого чемодана, и не было. Вот у самого четыре пальца подрезали. Болит, сил нету. Су-у-у-ки!

Декабристы: Меньше надо было в носу ковыряться! Деньги давай!

Сталин: Тихо! Вы ещё подеритесь, горячие бронзовые парни!

Кингисепп: Су-у-у-ки!

Она: Ты слышал?

Он: Что, любимая?

Она: Собака воет к покойнику?

Он: Это ночь, это хрустальная ночь, это наша с тобой ночь.

Она: И тебе не страшно?

Он: Нет, любимая, с тобой мне ничего не страшно.

Она: Это не собака.

Он: Любимая, это ночь!

Целуются. Постепенно взаимные ласки становятся рискованными.

Калинин: Послушай, Коба, зря ты с ними так. Хорошие парни, настоящие большевики, за народное добро переживают. Если бы у них всё получилось, стояли бы мы с тобой сейчас у стеночки. Ну, ты помнишь, там, у городской стены.

Сталин: Надо было тебя самого постоять... к стеночке. Ха-ха!

Калинин: Прости, Коба, это я так, по широте душевной.

Сталин: Великий русский поэт Пушкин предлагал нам душить прекрасные порывы.

Калинин: Я тоже русский!

Сталин: Вот именно, русский. Великий русский писатель Достоевский, которого бюст у Дома офицеров флота стоит, предлагал нам урезать широту русского человека.

Калинин: Мрачная это шутка, Коба. Не устал ещё урезать-то? Сколько лет бронзовый, а всё не угомонишься.

Сталин: А ты меня, Михаил Иванович не стыди. Мне не стыдно. Когда ты, Михаил Иванович, своих девок в балете щупал, я страну из руин поднимал, я пятилетку в три года давал.

Калинин (обиженно): Что ж настоящему пролетарию уже и девок пощупать нельзя?

Сталин: Ты, Михаил Иванович, ври, да не завирайся. Ну, какой ты в жопу пролетарий?

Калинин (горячится): Знаешь, Коба, что про меня Ильич сказал? Ильич про меня сказал, что я настоящий пролетарий, что меня рабочие массы любят и понимают.

Сталин: Вай! Ты, Михаил Иванович, сам-то этому веришь? Я из тебя завтра врага народа сделаю, и судить буду по делу балетоманов-космополитов. Будешь у нас каяться публично и в переплавку! Каяться, и в переплавку! А вместо тебя я этого горячего местного парня поставлю. Что, товарищ, Кингисепп, встанешь к стеночке вместо товарища Калинина?

Кингисепп: Зачем, товарищ Сталин?

Сталин: Тебе, какое дело зачем? Назначу медным котелком, и будешь трубить до победы мировой революции. Уступи-ка мне место рядом с молодежью. Люблю, молодежь. Товарищ Калинин молодёжью пользуется, а я молодежь люблю. Ты, товарищ Кингисепп, любишь молодежь?

Кингисепп: Су-у-у-ки!

Он: Ты слышала, любимая?

Она: Что, милый?

Он: Кому-то плохо.

Она: Зато мне хорошо. Иди ко мне! Ну же!

Он: Постой, здесь что-то не так.

Она (со смехом): Не бойся, я сильная!

Он (с притворным вздохом): Даже в самой сильной женщине есть что-то мягкое.

Прячет лицо у неё на груди. Входит Ленин с неестественно вытянутой рукой.

Ленин (с иронией): Что, друзья, опять без меня меня женили?

Калинин: Как можно, Владимир Ильич! Мы без вас никогда не начинали, и теперь не начнём.

Сталин (с досадой): Тоже мне староста всесоюзный! Бронзовые мозги и те просрал вместе с театральными блядьми.

Ленин: О ком это вы, товарищ Сталин? Уж, не о Троцком ли случайно? Я слышал, что этому иудушке голову топором проломили.

Калинин: Ледорубом, Владимир Ильич, ледорубом.

Ленин: Вот как! Очень интересно! Кто этот героический товарищ?

Калинин: Испанский коммунист.

Ленин: Вот и славно, одной проблемой меньше. Кстати, Иосиф Виссарионович, как тут местные товарищи? Решают национальный вопрос в духе интернационализма?

Сталин: Уже решили целиком и полностью. То есть целиком, но не сразу. То есть сразу, но не в духе. (*Запутался.*) Короче, решают, как умеют.

Ленин: Архиневнятно, товарищ Сталин. Извольте объясниться. Немедленно.

Сталин: Объясниться? Ты сам-то знаешь, что ты уже Ленин вчера, причём давно?

Ленин (опешив): Как это вчера?

Сталин (передразнивая): Как-как, кверху каком! Ты был Ленин, но вчера. Я тоже – Ленин, но сегодня.

Ленин: Ничего не понял. Иосиф Виссарионович, объяснитесь, наконец.

Сталин: Что тут объясняться? Просрали все, что могли вместе с национальным вопросом!

Ленин (изумлённо): А как же местные товарищи? Они-то куда глядели?

Сталин (*кивает в сторону Кингисеппа*): Вот тебе местный товарищ, с ним и разбирайся, а меня уволь. (*В сторону.*) Они со мной уже разобрались. С тобой, кстати, тоже, аграрий хренов.

Калинин: Почему аграрий?

Сталин: Я тебе, мудака, потом объясню.

Ленин: Эй, товарищ! Как вас там, товарищ? Вы местный?

Кингисепп: Су-у-у-ки!

Ленин: Ну-ну, товарищ, больше оптимизма. Кстати, где ваша пролетарская солидарность?

Кингисепп: Су-у-у-ки!

Ленин: А вы думаете, нам легко было продать местных товарищей? Но первому в мире государству рабочих и крестьян был нужен прочный мир на Финском заливе. Мы посовещались и продали, то есть даже и приплатили ещё. Я, знаете ли, и сам в Финляндию хаживал по льду на удивление тамошним товарищам.

Кингисепп: Су-у-у-ки!

Она (*встрепенувшись*): Ты ничего не слышал?

Он: Только твое дыхание, любимая!

Она (*подозрительно*): Это ты ветры пустил?

Он: Это благорастворение воздушных!

Она (*в истоме*): Ласкай меня, любимый!

Целуются и ласкают друг друга.

Декабристы: Владимир Ильич, этот козёл наши деньги присвоил.

Ленин: Какие такие деньги? С местной буржуазией мы расплатились полностью – копейка в копейку, даже договор в Юрьеве подписали. Я лично проследил за отправкой золота.

Декабристы: Нам ваш американский друг деньги дал на организацию вооружённого восстания. Ну, там ружья и патроны всякие закупить, листовок напечатать сколько-то.

Ленин: Сколько?

Декабристы: Чтобы всем хватило!

Ленин: И что мой друг вам денег дал?

Декабристы: Как будто дал, а этот всё себе захапал.

Ленин: Позвольте, позвольте! Наш американский друг значит, денег дал, а он все себе присвоил?

Кингисепп (*выпячивая культю*): Не присвоил, а на подпольную работу направил.

Ленин (*подбоченясь*): И-и?

Кингисепп: Что «и-и»?

Ленин: «И-и» в смысле работают?

Кингисепп: Кто работает?

Ленин: Деньги американского товарища.

Кингисепп: Очень может быть, что работают.

Ленин: Прелестно! Мы с местными товарищами цацкаемся, всех продали с потрохами, даже мир с буржуазией заключили, а они наши американские денежки скомуниздили!

Кингисепп: Су-у-у-ки!

Он (*вскакивая на ноги*): Теперь и я, кажется, что-то слышал.

Она (*смеясь*): Это я, любимый!

Он: Что ты?

Она: Ну, это... Воздухи растворяла.

Он: Как же здесь хорошо! (*Оглядывается.*) Тихо! Соловьи поют! Представляешь?! Для нас с тобой! Остановись мгновение, ты прекрасно! Хочу прижать тебя к своей груди!

Сталин: Не переживай, Ильич, за чужие денежки. Ты за наше золото переживай. Местные буржуи теперь из нашего золота унитазаы делают. Ты хотел золотых унитазов? Хотел! Вот они и делают.

Ленин: Ах, оставьте вы этот тон, Иосиф Виссарионович! Не хуже меня знаете, что золото было выделено эстляндским рабочим и крестьянам. Мы разбудили их классовое сознание. Мы вооружили их марксизмом. Мы указали им, что и, главное, как нужно взять у местных буржуев.

Сталин: Сам придумал или это калмыцкая хитрость?

Ленин: Вас не спросил!

Сталин: Просрали они твой марксизм, Ильич, про-сра-ли.

Ленин: Архискверно! Пора в Женеву возвращаться.

Тягостная пауза. Входит Пётр Великий, картинно оставляя в сторону вытянутую руку с тростью.

Пётр Великий: Ассамблея по поводу или без? Где хозяин?

Ленин: У нас выездное заседание политбюро. Заведующий организационным сектором подтвердит.

Сталин (*с угрозой*): Это я – заведующий?

Ленин (*тихо*): Не я же! Я был вчера, вы – сегодня.

Пётр Великий: Хозяин кто я спрашиваю?

Ленин: Мы тут совещались быстренько и решили, что хозяином сегодня будет Михаил Иванович.

Пётр Великий: Боярин? Почему не ведаю? Представить немедля!

Калинин (*дрожа от страха*): Простите, Пётр Алексеевич, я не боярин, я – пролетарий.

Пётр Великий (*изумлённо*): Про-ле-та-рий? Что за зверь такой? Колонник что ли?

Калинин (*гордо*): И не зверь, а рабочий человек! Я, например, у токарного станка стоял в молодости.

Пётр Великий: И я у станка стоял. Дальше что?

Калинин (*очень гордо*): Пролетариям нечего терять кроме своих цепей! Нам ненавистны тиранов короны!

Пётр Великий (*с угрозой*): Я цепей даже якорных от роду не терял. Я таких про-ле-та-риев тысячами в городской фундамент закладывал!

Ленин (*примирительно*): Ну-ну, не будем ссориться – какие мы пролетарии! Мы тут все государственники.

Пётр Великий (*указывая тростью на Калинина*): Этот тоже?

Ленин: Тоже.

Пётр Великий (*указывая тростью на Кингисеппа*): И этот тоже?

Ленин (*слегка смутившись*): Это наш местный товарищ. Он не всегда в курсе, но делу нашему сочувствует.

Пётр Великий: Подойди сюда, местный товарищ. Где твое место?

Кингисепп (*пряча культю за спину*): В Оленьем парке, ваше величество. Мне вас оттуда хорошо видно. В смысле могло быть видно, но меня поставили позже. Значительно позже.

Пётр Великий: Что значит позже?

Декабристы: Позвольте, мы всё объясним. Вас к этому времени уже ликвидировали.

Пётр Великий: Как это ликвидировали?

Декабристы: Да, очень просто! Завалили как кабана на охоте и распилили по грудь.

Пётр Великий (*изумлённо*): По грудь?

Декабристы: Именно так – по грудь, а ноги на монетный двор!

Пётр Великий: Императора и на монетный двор?!

Декабристы: Вы для них не император, вы – оккупант.

Пётр Великий (*с досадой*): Дожил ты, дядя! Ты за эту землю шведам два миллиона серебряных ефимков заплатил. Теперь вот ок-ку-пант. (*С иронией.*) Откель грозить мы будем шведу?

Ленин: Ну, батенька, не надо так переживать и грозить никому не надо, тем более шведским товарищам. Когда мы им отпускную давали, так еще пятнадцать миллионов золотом пришлось приплатить, и были рады, что так легко отделались.

Пётр Великий: Кому приплатили, шведам али немцам?

Ленин: Если бы немцам! Местной буржуазии.

Пётр Великий: Чухне?! Я окно в Европы рубил, а ты до ветру?! Ещё и приплатил втридорога? В остроге сгною, каторжник!

Сталин: Не надо, Пётр Алексеевич, за Владимиром Ильичом есть грехи посущественнее, чем пущенное по ветру имение. Он ещё и Финляндию с Лифляндией просрал, и всех ваших родственничков в унитаз спустил.

Пётр Великий: Куда спустил?

Сталин: Да, не спустил, а расстрелял в Сибири.

Пётр Великий: Как это в Сибири?

Сталин: Да так вот! Сочувствую, Пётр Алексеевич, вы у нас теперь сирота. Теперь за вас заступиться некому.

Пётр Великий: Ты кто?

Сталин (*указывая на Ленина*): Он – Ленин вчера, я – Ленин сегодня. Гениальный продолжатель его дела, корифей всех наук, лучший друг детей, и прочее. Он всё по ветру пустил, а я собирал обратно. Всё вернул кроме Финляндии. А его верные ленинцы потом снова всё просрали. Обидно, знаете ли.

Пётр Великий: Постой, постой! В карты, что ли продули?

Сталин: Если бы! Национальное самоопределение. Берите, говорит, суверенитета столько, сколько унести сможете!

Пётр Великий: Су-ве-ре... Кто зачинщик?! Кого на дыбу?!

Сталин: Вот он и есть зачинщик – Ленин, который вчера. И с дыбой мы опоздали. Его из мавзолея никак вынести не могут, и никакая дыба здесь уже не поможет. Меня вынесли, а этадохлая жаба – лапки на брюшке – лежит там живее всех живых.

Пётр Великий: Он им, правда, денег дал?

Сталин: Дал.

Пётр Великий: Золотом?

Сталин: Естественно – золотом, пятнадцать миллионов.

Пётр Великий: А правнуки мои живы?

Сталин: Он их всех на Урал повывез и там пострелял.

Пётр Великий (*обращаясь к Ленину*): Это правда, шельма? Молчи, острожник! Вижу, что правда!

Калинин (*подобострастно*): А ещё он в Швейцарию хотел ехать, начинать сначала.

Кингисепп: Су-у-у-ки!

Она: Кто здесь?

Занавес.

Акт.

Продолжение белой ночи. Вместо парочки не скамью присаживаются двое интеллигентов.

Первый интеллигент (*восторженно*): Какая волшебная ночь, однако! Не находите?

Второй интеллигент (*мрачно*): Не нахожу.

Первый интеллигент: Зря это вы так. Ночь действительно волшебная.

Второй интеллигент: Как вы можете восторгаться ночью, когда нас буквально душат. Да, что там душат! Уже и кислород перекрыли, а вам – ночь!

Первый интеллигент: Душат, конечно, но всё же ночь! Кислород, если хотите. Дышите на здоровье.

Второй интеллигент (*очень мрачно*): Здесь душно.

Первый интеллигент: А мне кажется, что прохладно.

Второй интеллигент: Холодно и душно.

Первый интеллигент (*примирительно*): Душновато, конечно, но дышать пока ещё можно.

Второй интеллигент: Прекраснодушие уже погубило нас. Вас оно тоже погубит.

Первый интеллигент: Что делать! Надо жить, а жизнь коротка. Учитесь понимать и прощать. Научитесь, станет значительно легче дышать.

Второй интеллигент: Всё-то у вас гладенько, всё пристойненько, а люди гибнут! Буквально мрут на ваших глазах. Третьего дня ещё одного похоронили. Мог бы ещё жить и жить, нет – свёл счёты.

Первый интеллигент: В газете писали, что рак.

Второй интеллигент (*язвительно*): Вероятно, это была «Правда Эстонии».

Первый интеллигент (*весело*): Нет, «Известия Рийгикогу»! Я вас умоляю, какая ночь! Вы только прислушайтесь: в такую ночь соловьи поют в последний раз. Слышите?

Второй интеллигент: Слышу стук сапогов жандармских.

Первый интеллигент (*напевает весело*):

Слышу стук, слышу стук –
Стук сапогов жандармских.
Они сейчас сюда придут,
Хотят схватить нас тут!

Внезапно на заднем плане появляются хулиганы, мародеры и дебоширы. Полиция избивает их дубинками и гонит прочь справа налево. Шум, крики.

Первый интеллигент (*изумлённо*): Вы видели, вы видели?! Нет како-во! Вы видели?!

Второй интеллигент (мрачно): Ну, видел, и что теперь?

Первый интеллигент: Это возмутительно! Это же не Европа, это Азия какая-то! Дикость варварская! Совок, наконец!

Второй интеллигент: Ну, наконец-то, заметили! А, когда две недели назад ушел из жизни наш товарищ, заметьте, сам ушел – добровольно! – вы мне что говорили?

Первый интеллигент (*пугаясь*): А что я такого сказал?

Второй интеллигент: Вы сказали: «Слабак! Туда ему и дорога!»

Первый интеллигент (*изумлённо*): Так прямо и сказал?

Второй интеллигент: А что вы про нашего мыслителя брякнули, когда он безвременно, тоже не помните?

Первый интеллигент: Боже правый!

Второй интеллигент: А я помню, вы его стукачом прилюдно назвали, причем прямо в глаза.

Первый интеллигент: Так уж и прилюдно! И потом какие глаза?! Он же весь в цветах лежал.

Второй интеллигент (*язвительно*): Значит, если человек не живой, то ему всё равно?

Первый интеллигент: Боже упаси!

Второй интеллигент: А я слышал, что вы тоже *того*?

Первый интеллигент: Чего *того*?

Второй интеллигент: Стучите – вот чего!

Первый интеллигент: Как можно!

Второй интеллигент (*наставительно*): Как нужно, так и можно.

Первый интеллигент: Вы меня пугаете!

Второй интеллигент: А чего вы так пугаетесь? У нас все стучат, ну, или почти все. Если не каждый второй, то каждый третий точно стучит. Вы, какой по счёту?

Первый интеллигент: Я в первых рядах демократов!

Второй интеллигент (*веселясь*): Во-во! В первых рядах стукачей! А правду говорят, что вы ещё и антисемит?

Первый интеллигент (*в ужасе*): Антисемит? Берегитесь! Я вам руки не подам! Пожалеете ещё! Я от вас в культурную автономию уйду! Меня там уважают!

Второй интеллигент: Куда ты на хрен денешься с подводной лодки.

Первый интеллигент: Вот я не понял, причём тут подводная лодка?

Второй интеллигент: Какая лодка? Мы в дерьме по уши!

Первый интеллигент: Я вас умоляю: не надо больше дерьма, давайте соловьёв послушаем. Последняя ночь, когда поют.

Второй интеллигент (*мрачно*): Кислород перекроют, вы не так запоёте.

Молча сидят на разных концах скамьи, делают вид, что слушают пенье птиц. Появляются потомок Калева и борец за свободу.

Борец за свободу: Сегодня великая ночь!

Потомок Калева: Ночь победы!

Борец за свободу: Ты, про какую победу, брат?

Потомок Калева: Про нашу победу. Меня про нашу победу поставили, а тебя, брат?

Борец за свободу: И меня про нашу.

Потомок Калева: Здорово! Мы отстояли нашу землю, наш язык и культуру. Пусть теперь наши потомки сохраняют это великое наследство на все времена.

Борец за свободу (*подозрительно*): А ты, почему чугунный, брат?

Потомок Калева: В послевоенное время в стране был дефицит цветного металла. Золота было много, а бронзы на всех не хватало.

Борец за свободу: И как долго мы воевали, брат?

Потомок Калева: Почти год.

Борец за свободу (*с ещё большим подозрением*): Год воевали, а ты, значит, уже чёрный?

Потомок Калева: Ты, что, брат! Я же свой! Я же из тевтонской хроники.

Борец за свободу: Я тебе не брат, тибла черномазая!

Потомок Калева (*взмахивая мечом*): За тиблу ответишь!

Борец за свободу (*зловец*): Он ответит. (*Передергивает затвор пистолета-пулемёта.*)

Первый интеллигент (*тревожно*): Я что-то слышал!

Второй интеллигент: Стучать надо громче!

Появляются Пётр Великий и Сталин. Император усаживается на скамейку между интеллигентами. Сталин встаёт у него за спиной.

Пётр Великий (*указывая на призраков*): Кто сии?

Сталин: Местное население.

Пётр Великий: Туземцы?

Сталин: Вроде того.

Пётр Великий: Эй, кучерявый, ты не от моего арапки род ведёшь? (*Сталину.*) Мне из Эфиопии арапчонка привезли царского рода. Я его в Па-

рижах выучил и поставил в местной гавани артиллерией командовать. До женского пола zelo охоч был. (*Потомку Калева.*) Что, арапка, язык проглотил?

Потомок Калева (*гордо*): Ma ei saa aru mis te räägite.

Борец за свободу: Neeger – just nii!

Пётр Великий: Молодец, шельма! Наплодил мне арапчат! Будет теперь, кого русскому языку учить. Арапы к учению премного способны. Русскому выучится, я его в Париж или в Голландию зашлю, пусть в европейских науках преуспеет.

Сталин: Только зря всё это.

Пётр Великий: Это ещё почему?

Сталин: Я же говорю: местные.

Пётр Великий (*указывая тростью на борца за свободу*): Этот тоже?

Сталин: Этот тем более.

Пётр Великий: Жаль. Я бы их Голландию послал, учиться мореходству, астрономии.

Сталин: Они у меня университеты в Сибири проходили.

Пётр Великий (с интересом): И в каких же науках сведущи?

Сталин: По большей части в языкознании.

Пётр Великий: От чего ж молчат?

Сталин: Я же говорю: местные – при начальстве робеют сильно.

Пётр Великий: Вижу, ученье не пошло им впрок.

Борец за свободу (*радостно*): Ну, что, черномазый, вот ты и попался!

Потомок Калева: Он обознался, брат! Я потомок Калева! Я свой!

Борец за свободу: Свои в штанах ходят.

Потомок Калева: Я местный!

Борец за свободу (*передразнивая*): Мэ-эстные мы. Чем докажешь?

Потомок Калева: На смотри!

Поворачивается спиной к борцу и приподнимает набедренную повязку, обнажая чугунный зад.

Борец за свободу: И что я должен здесь увидеть?

Потомок Калева: Шрамы.

Борец за свободу: И где тебя так зацепило?

Потомок Калева (*наставительно*): И не где, а кто.

Борец за свободу: Ну и кто?

Потомок Калева: Немецкий барон на конюшне.

Борец за свободу (*критически осматривает оголённое место*): И что это доказывает?

Потомок Калева: Рассуди сам: был бы я тибла, кто б меня на конюшне пороть стал?

Борец за свободу: Логично, но как докажешь, что это барон тебя порол?

Потомок Калева: Да, ты на шрамы-то посмотри, брат! Розги немецкие, фирменные. А рубец! Рубец-то какой ровный!

Борец за свободу (*с сомнением*): Фирменные, говоришь... Ладно, живи пока. Мы тебе потом череп циркулем промеряем.

Потомок Калева: Это ещё зачем?

Борец за свободу: Проверим, какой ты потомок Калева.

Потомок Калева: Спасибо, брат! От всей души поздравляю тебя с победой! С днем победы тебя!

Борец за свободу: Ты, какую победу имеешь в виду?

Потомок Калева: Над немецким ландесвером, конечно.

Борец за свободу (*удовлетворенно*): Ну, вот и циркуль не понадобился.

Потомок Калева: Спасибо, брат.

Борец за свободу (*с угрозой*): Не брат я тебе. Я смерть твоя, тибла!

Сталин: Вы ещё подеритесь, голодранцы! А я вам сибирские ночи покажу. Бесплатно, за казенный счёт. Будете потом всю оставшуюся жизнь отработывать на лесоповале.

Пётр Великий: Вот я не понял, как он его назвал?

Сталин: Тибла. (*Что-то поясняет на ухо императору, тот хохочет.*)

Такая вот история.

Пётр Великий: Значит, мы тиблы, а они яблы! (*Хохочет.*) Или наоборот: мы яблы, а они тиблы! (*Снова хохочет.*)

Первый интеллигент тревожно озирается, потом сквозь бронзового императора внимательно всматривается во Второго интеллигента. Вбегает взъерошенный Третий интеллигент.

Третий интеллигент (*возбуждённо*): Господа, господа, какой ужас! Нас предали!

Первый интеллигент (*вскакивает со скамьи*): Я так и знал!

Второй интеллигент (*мрачно*): А если без соплей?

Первый интеллигент: Да! Без соплей, пожалуйста.

Третий интеллигент: Если без соплей, тогда смотрите сами.

На заднем плане справа налево полиция гонит хулиганов, мародеров и дебоширов, избивая их дубинками. Слышны крики и звуки ударов.

Первый интеллигент (в ужасе): Началось!

Второй интеллигент: Ага, оно и не заканчивалось.

Первый интеллигент: Что вы такое говорите! Там наших соотечественников убивают, а вы издеваетесь! Поимейте совесть!

Второй интеллигент (*мрачно*): Умри, а лучше не скажешь: *иметь* совесть! Вот вы её каждый день *имеете*, а скажи мне: вы стали лучше? Врать друг другу перестали? Милосердием преисполнились? Стучать отучились?

Третий интеллигент: Господь вами! Да, что вы такое говорите!

Первый интеллигент: Он говорит гадости.

Второй интеллигент (*очень мрачно*): До тех пор, пока вы *имеете* совесть, вы никогда не поймёте, что совесть либо есть, либо её нет. Вы *имеете* совесть, а они *имеют* вас.

Первый интеллигент: Вас, кстати, они тоже имеют.

Второй интеллигент (*с издевкой*): Так сделайте что-нибудь.

Третий интеллигент: Правильно! Это очень правильно! Мы должны от слов перейти к делам. Соотечественники ждут от нас поступка.

Второй интеллигент: Ага, ждут поступка с большой буквы. Я дам вам пистолет, будете отстреливаться.

Первый интеллигент (*в ужасе*): Откуда у вас оружие?!

Второй интеллигент: От верблюда. Живыми не сдавайтесь. Последняя пуля себе.

Третий интеллигент (*просекая*): Э-э, да он шутит! Какая гадкая шутка! Теперь я понимаю, почему вас не приняли в культурное общество национальных меньшинств.

Второй интеллигент: Это вы – меньшинства, а на моей стороне большинство.

Первый интеллигент: Он большевик!

Третий интеллигент: Красно-коричневый!

Второй интеллигент: Ага, я ваш самый страшный кошмар! Я ваш ге-моррой – дерьмо с кровью! Сами вы по уши в дерьме, а теперь вас ещё и кровью умоют.

Первый интеллигент: Вас, кстати, тоже умоют.

Третий интеллигент: Что вы такое говорите! Там люди погибают, а вы завели шарманку: кто виноват и что теперь делать! Решено, мы должны бороться. Отступить некуда!

Второй интеллигент: Никогда не получали резиновой дубинкой по голове? Получите! Умнее не станете, но на какое-то время это вас отрезвит.

Третий интеллигент: Ах, оставьте ваши глупые шутки! Надо, наконец, решительно показать наше единство!

Первый интеллигент: Правильно, создадим комитет русскоязычного единства. Я напишу проект заявления.

Третий интеллигент: А кого возьмём в правление?

Первый интеллигент: Пригласим кого-нибудь из культурного общества национальных меньшинств.

Третий интеллигент: А я бы позвал кого-нибудь из антифашистского комитета. Нам ведь нужен свадебный генерал? Такой, чтобы вся грудь в орденах.

Первый интеллигент: Постойте, а причём тут антифашисты?

Третий интеллигент: Как это причём? Если уж единство, то без них никак не обойтись.

На заднем плане слева направо полиция гонит хулиганов, мародеров и дебоширов, избивая их дубинками. Слышны крики и звуки ударов.

Первый интеллигент (с раздражением): Достали уже своей беготнёй. Ни днем, ни ночью покоя от них нет.

Третий интеллигент: Не обращайтесь внимания. Они скоро угомонятся. Так как насчет ветерана с медалями?

Первый интеллигент: Пожалуй, пусть будет. Но у меня есть одно условие.

Третий интеллигент: Само собой.

Первый интеллигент: Пусть не надевает медалей с портретами Сталина и советской символикой, это может вызвать негативную реакцию властей. Нас могут неправильно понять, ву компрене?

Третий интеллигент: Нет возражений! Тут неподалёку есть симпатичное заведение...

Первый интеллигент: Я в «Каштанку» не пойду, вдруг там какой-нибудь папарацци околачивается. Мне дешёвые сенсации не по карману.

Интеллигенты удаляются, что-то оживлённо обсуждая на ходу. Второй интеллигент дремлет на скамье. Появляются Ленин и Калинин.

Ленин: Михаил Иванович, у меня к вам серьёзные претензии.

Калинин: Владимир Ильич! Ну, Владимир Ильич! Я же давно утратил связь с местными товарищами.

Ленин (натываясь на потомка Калева): Кстати, вот вам и местные товарищи. Удобный случай всё обсудить. Местные товарищи по-русски говорят? Понимают? Вот и чудесно! Скажите, товарищ, почему национальный вопрос буксует?

Потомок Калева (гордо): Ma ei saa aru mis te räägite.

Ленин: Михаил Иванович, что нам товарищ говорит?

Калинин: Он говорит, что не понимает самой постановки вопроса.

Ленин: Странно, мне показалось, я всё изложил архипонятно. Что ж, поставим вопрос иначе. Что думают товарищи о роли местного пролетариата?

Борец за свободу: Mine perse!

Ленин: Михаил Иванович!

Калинин: Он предлагает нам послать пролетариат...

Ленин: Выражайтесь яснее.

Калинин: Короче, предлагает нам послать их в жопу.

Ленин: Разумно, разумно. Однако послать мы их всегда успеем, с этим у нас никогда проблем не было. Когда местные товарищи предполагают выступить против буржуазии с оружием в руках?

Потомок Калева (*гордо*): Räägi eesti keeles, tibla!

Ленин: Что он говорит?

Калинин: Он говорит, что это сейчас несвоевременно.

Ленин: Архипотребно знать почему?

Потомок Калева: Sellepärast meie president sai palju raha Moskvast.

Калинин: Он говорит, что из Москвы не поступило достаточно денег, поэтому революционная ситуация пока ещё не сложилась.

Ленин: Отлично, отлично! Товарищи в курсе марксистской диалектики. А где товарищ Кингисепп? Ему можно доверять?

Борец за свободу: Siga!

Калинин: Вполне.

Ленин: Вот, Михаил Иванович, а скромничали, говорили, что связь потеряли. А вы настоящий пролетарий! Умеете, чёрт побери, говорить с народными массами на одном языке. Скажите им, что проблем с деньгами не будет.

Борец за свободу: Kuradi raisk!

Ленин: Вот и чудесно! Raisk kuradi!

Калинин (*с обидой*): А говорили, что ни бельмеса не понимаете.

Ленин: Хотя вы и пролетарий, а марксистскую классику надо изучать. В работе о происхождении семьи, частной собственности и государства Энгельс указал на звукоподражание высших приматов, как на основу для развития второй сигнальной системы. Kuradi raisk, товарищи!

Потомок Калева: Mine perse!

Ленин (*сжимая кулак*): Рот фронт!

Борец за свободу (*вскидывая правую руку*): Kommariid ahju!

Сильный шум за сценой. Второй интеллигент вздрагивает и просыпается.

Второй интеллигент: Похолодало, однако. Жидкий кофе, коньяк прохладный и на теплые нары. (*Встаёт и быстро уходит, насвистывая мелодию песни «Широка страна моя родная»*). Скамью занимает влюблённая пара.

Он: Вот сволочь! Я уже думал, что он никогда не освободит нашу скамейку.

Она: Эта скамейка наша?

Он: Угу!

Она: Мы что всегда будем заниматься *этим* на скамейке?

Он: Не сейчас, милая.

Она: Ну, не сейчас, так не сейчас. Иди ко мне!

Он: Уже в пути!

Целуются, не обращая внимания на шум за сценой.

Сталин: Смотрите, как они быстро сговорились.

Пётр Великий: А русский язык им надо бы ещё подучить. Как там ваши университеты в Сибири, стоят ещё?

Сталин: Стоят, но потребуется небольшой профилактический ремонт.

Пётр Великий: Сами справитесь?

Сталин: До сих пор справлялся, жалоб не было.

Император встаёт, прохаживается, разминая ноги.

Потомок Калева: Тебе не кажется, что нас подставили, брат?

Борец за свободу: Это ты влип, мой черномазый брат. Они тебя за своего принимают. Денег обещали дать.

Потомок Калева: Брат!

Борец за свободу: Не брат ты мне, тибла.

Потомок Калева: За тиблу ответишь!

Потомок Калева и борец за свободу уходят выяснять отношения на заднем плане.

Калинин: Владимир Ильич, я, конечно, извиняюсь, мы, конечно, сигнализирuem активно, но как-то всё неправильно, пока только по первой системе.

Ленин: Вы пролетарий и этого у вас не отнять, но, Михаил Иванович, друг мой, надо же работать над своим кругозором, так сказать, повышать свой культурный уровень. Первая сигнальная система является формой непосредственного отражения действительности в виде ощущений и восприятий, формирующихся в коре больших полушарий головного мозга при воздействии конкретных раздражителей. Надеюсь, это понятно?

Калинин: В общих чертах, Владимир Ильич.

Ленин: Слава Марксу и Энгельсу! Вы Павлова помните Ивана Петровича?

Калинин: Это, который собачек мучил?

Ленин: Он самый. Противник советской власти, но учёный. Павлов установил, что речь может заменять любые раздражители.

Калинин: И молоденьких артисточек тоже?

Ленин (разражено): Кто о чём, а вшивый о бане. Михаил Иванович, я тебе по второй системе сигнализирую, что ты мудака. Чувствуешь возбуждение в коре головного мозга?

Калинин: Я извиняюсь, Владимир Ильич, а что я должен чувствовать?

Ленин (ещё более раздражённо): Чувствуешь, что ты мудака?!

Калинин (*облегчённо*): Ещё как чувствую! Натурально мудака!

Сталин: Вот, а мне не верил.

Ленин: Вас, Иосиф Виссарионович, никто не спрашивает. Вы себя уже показали во всей красе.

Сталин (*примирительно*): Раз уж мы тут собрались в таком виде, зачем нам ссориться? Поговорим, как серьёзные люди. Времени до петухов осталось маловато.

Ленин: Чего вы от нас хотите?

Пётр Великий: Есть мнение учредить Ассамблею. Председателем предлагаю Иосифа Виссарионовича.

Ленин: Почему не себя?

Пётр Великий: Потому, что вы штафирка штатская. Я всего лишь бомбардир-капитан, а он – полный генералиссимус. Ему и власть в руки. Соберём товарищей, посоветуемся, подумаем, как вместе интегрироваться. Язык учить будем. Иосиф Виссарионович в языкознании зело учён будет. Кассу откроем взаимопомощи. Вашему товарищу пальцы новые отольём.

Калинин: А что, хорошая идея! Я знаю, где Женья Никонов лежит. У него хулиганы голову оторвали вместе с бескозыркой. Герой-краснофлотец, и без головы. А ещё Лембит Пэрн! Тоже герой, генерал-лейтенант. Хороший мужик, но только бюст безногий.

Ленин: Михаил Иванович, ваше чувство не пропало?

Калинин: Никак нет!

Ленин: Вот и помолчите, когда вас не спрашивают. Мне, например, подозрительно миролюбие классово чуждых нам царских элементов. Эта территория должна быть использована как экономический плацдарм для мировой революции. Сколько мы сюда золота и валюты вкачали, а, Иосиф Виссарионович? Мы вправе рассчитывать на дивиденды.

Сталин: Поздно, Владимир Ильич. Поздно пить боржоми, когда почки отвалились.

Борец за свободу (*презрительно*): Loll jutt! Эти русские опять решают историческую судьбу Isamaa без нас.

Пётр Великий: Чудо великое! Местные, а заговорили человеческими языками.

Борец за свободу (*поглаживая пистолет-пулемёт*): Не доставай меня, тибла!

Пётр Великий: А ты мне, яббла, не хаами! Приятелю своему хаами.

Борец за свободу: Черномазый мне не приятель.

Ленин: Вот, пожалуйста, местный товарищ оказывается расист. Нам решительно с ним не по пути.

Сталин (*примирительно*): Понятно, перегибы на местах, но в нашем положении расизм не имеет практического значения. Сибирь товарищу не

грозит, пусть себе болтает всякое. Ни нам, ни себе он не может причинить реального вреда. Зови сюда своего загорелого приятеля.

Борец за свободу: Повторяю, тибла мне не приятель.

Сталин: Ну, вы же с ним одной крови горячие местные парни!

Потомок Калева: Мы одной крови, брат!

Сталин: В некотором смысле мы тут все одной крови – бронзовой. Ха-ха-ха!

Потомок Калева (*конфузясь*): На меня бронзы не хватило, я чугуновый.

Сталин: Это ничего, у нас тоже чугунные товарищи есть. Ха-ха-ха!

Ленин: Если я правильно понял Петра Алексеевича, нам предлагается упразднить великорусский шовинизм?

Пётр Великий: Это как посмотреть. Мы тут с Иосифом Виссарионовичем посовещались и пришли к выводу, что в нашем положении нет ничего страшнее петухов.

Сталин: Пётр Алексеевич всё схватывает на лету. В условиях, когда наше время ограничено самой короткой ночью в году, нельзя терять ни минуты. По правде сказать, временем-то мы не ограничены, но с другой стороны следующее заседание Ассамблеи состоится только через год.

Калинин: Владимир Ильич, а причём тут петухи?

Ленин: Молчи, дурак! Значит, великорусский шовинизм упраздняем, а как предполагаете поступить с национальным самоопределением?

Пётр Алексеевич: Есть мнение, что национальное самоопределение тоже следует упразднить за ненужностью.

Ленин: Как это за ненужностью?

Пётр Великий: Если можно, то я на примере поясню. Я через местных товарищей много лет рубил окно в Европу. Нынче окно уже в Европе. Если окно уже в Европе, то зачем его рубить? Лишнее, однако.

Ленин: Значит, упразднили, так-так... А мировая революция, революцию вы тоже упразднили?

Сталин: Скажем так, что мировую революцию пока придётся отложить. Возможно, когда ситуация изменится Ассамблея сможет вернуться к этому вопросу. Сейчас важнее решить петушину проблему.

Калинин: Владимир Ильич, они, что нас петушнить собираются?

Ленин: Молчи, дурак! Ну и как же вы предлагаете решить эту проблему?

Пётр Великий: Я полагал издать указ против петухов, но Иосиф Виссарионович предлагает воспользоваться бактериологическим оружием.

Потомок Калева (*ужасаясь*): Европа нас не поймёт! Это же грубое нарушение прав меньшинств! Это хуже чем холокост!

Сталин: Пётр Алексеевич, позвольте, я внесу ясность в этот чрезвычайно запутанный вопрос.

Ленин: Сделайте одолжение.

Сталин: Предлагаю применить боевой вирус Эйч пять эн один. Эффективность практически стопроцентная, не то, что петухи – воробьи передохнут!

Кингисепп: Су-у-уки!

Сталин: Понимаю, что вас беспокоит, но сукам вирус не опасен. Ха-ха-ха!

Ленин: Что там у нас маршал Тухачевский применял в Тамбовской губернии?

Сталин: Кажется, что хлор или иприт. Можно уточнить.

Ленин: Так уточните! Почему я всегда вынужден думать за всех?

Сталин: Надо местных напрячь. У них хорошие отношения с немцами, пусть подкинут нам через них Cyclone-B или, например Domestos.

Ленин: Выражайтесь яснее, Иосиф Виссарионович, и оставьте ваши выкрутасы из области языкознания.

Сталин: Domestos убивает все известные микробы наповал.

Ленин: Вот как! Архиллюбопытно!

Влюблённые на скамейке проявляют беспокойство.

Она (встрепенувшись): Ой, а что я сейчас слышала!

Он: Опять воздуха растворились?

Она: Ты не поверишь, любимый, но мне кажется, что я слышала пеньё петуха.

Он: Мы в центре города, откуда здесь петухи?

Она: Ты мне не веришь?

Он: Всегда!

Занавес.

Эпилог.

Призраки в сборе. Влюблённые притихли на скамье.

Калинин: Владимир Ильич, простите за назойливость, но вы мне так и не объяснили, причем тут петухи.

Ленин: В следующий раз, Михаил Иванович. Сейчас не время.

Калинин (*канючит*): Ну же, Владимир Ильич! Вы же меня заинтриговали. Ну, за ради Бога!

Ленин (*раздражённо*): Не доводите меня до греха, Михаил Иванович. И кто вас только старостой назначил всесоюзным!

Калинин (*указывая на Сталина*): А вот он и назначил.

Сталин: Надо было такого болтуна Николаю Ивановичу скормить. Ежов бы тебя петушнул, не выводя из камеры.

Калинин: Ну, что вы такое говорите, Коба! Мало вы этому людоеду верных ленинцев скормили.

Сталин: Выходит, что мало. (*Обращаясь к Петру Великому.*) Пётр Алексеевич, ты в фундамент своего Петербурга сколько народу положил?

Пётр Великий: Несчитано.

Сталин: Вот и я несчитано. Когда счет пошёл на миллионы, где уж тут по головам считать! Статистика!

Калинин (*угодливо*): Лес рубят, щепки летят.

Сталин (*весело*): В переплавку захотел, козёл старый?

Калинин (*обиженно*): Коба, я бы тебя попросил!

Сталин (*хохочет*): А ты попроси! Ну, попроси, а я тебя уважу! Я тебя так уважу, что мало не покажется. Жаль мы тут Лаврентия не успели поставить. А что, если я тебя местным товарищам скормлю? Как, местные товарищи, возьмете старосту в переплавку?

Борец за свободу: Компарид аhju! Коммуняк в печь!

Сталин: Во, учишь студент! Местный товарищ вчера только из лесу вышел, а уже знает, что с тобой делать. (*Хохочет.*)

Калинин (*примирительно*): Господь с тобой, Коба!

Бронзовые призраки постепенно выстраиваются в шеренгу. Пётр Великий картинно отставил руку с тростью. Сталин заложил руку за отворот шинели. Чугунный потомок Калева опёрся двумя руками о рукоять меча, а борец за свободу сомкнул пятаки, развел носки в стороны и поправил на груди пистолет-пулемёт. Ленин пытается правой рукой указать направление. Кингисепп демонстративно выставил культю впереди себя. Декабристы крутятся на месте. Входит первый министр. Ему дано видеть призраков бронзовых и чугунных памятников. Он придирчиво осматривает шеренгу.

Первый министр (*заложив руки за спину, покачиваясь с носка на пятку*): Valve! Смирно! В стране тяжёлое положение, можно сказать беспорядки, а некоторые позволяют себе развлекаться. Я вас спрашиваю, кто организовал митинг? Кто тут такой умный?

Борец за свободу (*делая шаг вперёд из строя*): Господин первый министр, разрешите доложить? (*Указывает на императора и генералиссимуса*). Митинг организовали тиблы.

Первый министр: Благодарю за службу, солдат! Помни, твоя честь это верность. Встань в строй!

Пётр Великий (*с досадой*): Дожил ты, дядя. Теперь каждый висельник плюёт в тебя прилюдно.

Первый министр: Разговорчики в строю.

Сталин (*грустно*): Нынче любой бывший заведующий орготделом провинциального горкома партии командует генералиссимусами.

Первый министр: Молчать, обрубки долбаные! Я вам покажу пацифизм! Я вас всех подведу под запрещенную символику! Всех мордой в грязь положу! Будете нашу землю жрать горстями. Это вам не Россия какая-нибудь! Здесь вам не там!

Потомок Калева: Только прикажи, земляк! Они ответят за всё – и за Юрьеву ночь, и за Полтавскую битву, и за убийство президента Кеннеди!

Первый министр: Это ещё кто такой?

Борец за свободу: Тибла черномазая! Ко мне братом примазывался. Врёт, что поставлен был в честь нашей победы над немцами.

Потомок Калева: Вот те крест, что не вру. (*Крестится.*) Мы Железную дивизию раздолбали под Цесисом. Спроси, у кого хочешь.

Борец за свободу: Мы что с немцами воевали?

Потомок Калева (*гордо*): А то! Всыпали им по первое число!

Борец за свободу: Ну, ты и врать, тибла! Немцы наши союзники. Мы с немцами против большевиков воевали за нашу свободу. (*Мечтательно.*) Одних только евреев сколько постреляли! Ole hea, tibla, vaheta plats!

Потомок Калева: Mitte kunagi!

Первый министр: Ладно, братья, после разберётесь, а пока принимайте пополнение.

Появляется Бронзовый солдат.

Пётр Великий: Господь всемогущий! И до этого добрались! Как тебя угораздило, солдатик?

Борец за свободу: Нет зрелища приятнее для глаз настоящего патриота, чем унижения врага.

Потомок Калева: Всемогущий Тарапита, наконец-то, я отомщен!

Первый министр: Отставить разговорчики! (*Бронзовому солдату сурово.*) Встаньте в строй.

Бронзовый солдат, не поднимая обнаженной головы, молча становится в расступившийся строй.

Первый министр: Вот с кого надо брать пример. Видите, мерзавцы, как ему стыдно за оккупацию? Такие как он грабили страну и насиловали наших матерей. Эй, черномазый, тебе стыдно за свою мать?

Потомок Калева: Я сирота.

Борец за свободу: А ещё братом ко мне примазывался!

Первый министр: И тебе не стыдно?

Потомок Калева: Мне нечего стыдиться.

Первый министр: И с таким контингентом мы должны сохранить нашу великую культуру на все времена!

Внезапно раздаётся громкий крик петуха. Строй непроизвольно вздрагивает, и только Бронзовый солдат остаётся неподвижным.

Калинин: Владимир Ильич, ну вы же обещали!

Ленин: Что я вам обещал?

Калинин: Про петуха рассказать.

Ленин: Сейчас, Михаил Иванович, сами всё поймёте.

Раздаётся второй крик петуха. Шеренга бронзового караула исчезает на глазах. Доносится прощальный вой Кингисеппа: «Су-у-уки!»

Раздаётся третий крик петуха. Вместе с криком в солнечном луче исчезает первый министр.

На сцену выбегают, преследуемые полицией трое интеллигентов. Влюбленные в ужас вскакивают на скамейку. Полицейские избивают интеллигентов резиновыми дубинками, потом кладут их мордой в грязь и стягивают за спиной руки пластиковыми наручниками.

Занавес.

